

Ослепительно-яркий свет ламп бил в глаза. Старая электрическая лампочка, подвешенная к потолку, мерцала, то и дело грозя погаснуть.

Вдруг раздалось резкое: «Щёлк!» — и свет на мгновение мигнул.

Девушка, сидевшая на полу в попытке немного передохнуть, вздрогнула от неожиданности. Она потёрла нахмуренный лоб, пытаясь унять сбивчивое дыхание и нарастающую тревогу. Почувствовав, что спина насквозь пропиталась холодным потом, она с трудом сглотнула и дёрнула за рукав соседку:

— Что это было?

Сидевшая рядом девушка с короткой стрижкой лишь невозмутимо покачала головой.

Неудивительно, что нервы у всех были на пределе. Вот уже несколько десятков часов, а может, и дольше, их держали взаперти, оглушив и забросив в тесную камеру.

Помещение было крайне убогим: ни единого окна, сплошные стальные стены — и больше ничего. Несмотря на пустоту, в воздухе висел тяжёлый запах затхлости и сырости. Те, кто был более чувствителен к запахам, улавливали едва различимый аромат крови. Стены у пола пожелтели от грязи, а в углах можно было разглядеть чёрный налёт, но, к счастью, камера была довольно просторной.

Самым страшным было то, что в этой закрытой комнате не было ни средств связи, ни инструментов для побега. Лишь глухой гул волн снаружи напоминал о том, что они находятся на борту какого-то судна.

Девушка в белом кружевном платье, с копной вьющихся волос, дрожащим голосом спросила:

— Кто... кто вообще нас похитил?

Эту девушку звали Сью Синьжуй. Её испуганный взгляд снова метнулся к остальным. Они были знакомы, и именно это общее прошлое заставляло их чувствовать такую острую, невыносимую тревогу. Их похитили незаметно, тайком, и заперли здесь. Какой же дьявольский план за этим стоял?

Открыть железную дверь — единственный выход — было невозможно. Им оставалось лишь беспомощно сидеть и ждать смерти. Всего в камере было заперто шестеро. Помимо двух девушек, здесь находились четверо парней.

Они были заперты слишком долго и уже не находили в себе сил на пустые разговоры. И тут в самом дальнем углу послышался болезненный кашель.

Юноша, чьи глаза светились невинностью, первым посмотрел в сторону звука, мельком оглядел присутствующих и тут же опустил взгляд, полный растерянности. Кожа у него была неестественно бледной, фигура — хрупкой и тонкой. На нём была простая белая рубашка, ткань которой, казалось, переливалась на свету.

Почувствовав на себе тяжёлые, обжигающие взгляды, он застенчиво поднял голову и попытался улыбнуться в знак примирения. Остальные пятеро переглянулись. Никто не собирался анализировать ситуацию или искать выход из этого кошмара — вместо этого они задавались вопросом, почему этот парень здесь, и почему его, как и всех остальных, оглушили и бросили в эту камеру.

Парень, сидевший у стены, вдруг осклабился и провёл алым языком по губам:

— А он и вправду хорош собой.

Этого парня звали Чэнь Цзин, и он не лгал. Если присмотреться, юноша действительно был невероятно красив. Черты лица утончённые, кожа белая и нежная — ни единого изъяна. Он выглядел настолько нереально, будто был сделан из самого нежного взбитого крема, к которому так и хотелось прикоснуться.

Сюй Синьжуй с отвращением фыркнула:

— Это же Нянь, который в старшей школе вечно таскался за Пэй Минем.

Стоило ей упомянуть то прошлое, как сидевший рядом парень в чёрном, с короткой стрижкой, злорадно усмехнулся, бросив на юношу холодный взгляд:

— В старшей школе он пользовался своей внешностью, чтобы помогать Пэй Миню травить Цинь Юаня целых три года, а в конце Пэй Минь его безжалостно бросил.

В его глазах читалось неприкрытое презрение:

— Тьфу.

Он даже не пытался говорить тише, и его насмешка легко долетела до ушей Няня. Тот опустил ресницы, и его аккуратные ногти нервно впились в ладони. Со стороны это выглядело так жалко.

Значит, я настолько всем противен...

Он неуклюже шмыгнул носом, пытаясь скрыть неловкость от того, что на него смотрели, как на диковинного зверя в клетке. Его поведение казалось окружающим странным: он сжался в

комков и непроизвольно дрожал, не скрывая своего страха. Но что было ещё страннее — при всей своей беззащитности, каждое его движение приковывало взгляд, завораживало.

— Эй.

Раздался ленивый, насмешливый голос. Чэнь Цзин, чьё лицо выражало небрежную свободу и равнодушие, сидел как раз напротив Няня. Он согнул ноги в коленях, засунул руки в карманы и слегка приподнял бровь. Его лицо, словно высеченное из камня, с узкими глазами, полными порочного блеска, заставляло любого, кто в них посмотрит, невольно поддаться чарам.

— Ты правда тот самый Нянь, который был рядом с Пэй Минем?

Нянь, опешивший от странного тона, машинально ответил:

— Я Нянь.

Имя Пэй Минь казалось ему смутно знакомым, но он никак не мог вспомнить, кто это такой. И где он мог его видеть?

Мужчина усмехнулся, словно заранее предвидел такой ответ, и его глаза игриво блеснули. Глядя на Няня в упор, он с нескрываемым интересом изучал его, словно охотник, прицелившийся в добычу. Юноша невольно втянул голову в плечи, пытаясь спрятаться от этого наглого взгляда.

И в следующую секунду мужчина подался вперёд и крепко схватил его за запястье, притягивая ближе. Пальцы сжали кожу до боли. Он наклонился так близко, что его губы почти касались мочки уха Няня, и прошептал с двусмысленной, нездоровой заинтересованностью:

— Ты уже спал с этим Пэй Минем?

— ...?

Нянь резко поднял голову, пытаясь осознать смысл сказанного, но его мысли окончательно спутались. На таком расстоянии он мог рассмотреть каждую ресничку мужчины, а воздух вокруг словно стал густым и тяжёлым. Лицо Няня вспыхнуло, и он с силой выдернул руку:

— Это... это не твоё дело!

Щёки юноши залил густой румянец. Все вокруг молча наблюдали за ними. Находясь на расстоянии сантиметра, мужчина чувствовал жар, исходящий от лица Няня, и его губы изогнулись в многозначительной улыбке.

— О? Вот как.

Этот взгляд, этот насмешливый тон — Нянь чувствовал себя так, будто его раздевают на глазах у всех. Он смущённо потёр покрасневшее запястье и уткнулся лицом в колени. Страх, сковавший его, подкатил к самому горлу.

— Почему не смотришь? — Чэнь Цзин протянул руку и потянул юношу за мягкую прядь волос.
— Стесняешься?

В его глазах плясали искры веселья. Нянь обиженно отвернулся, не желая больше отвечать, и даже его макушка выглядела сейчас вызывающе жалко. Он потёр слегка онемевшее ухо; низкий, ленивый голос мужчины всё ещё отдавался в памяти, словно он только что прикусил его ухо, дразня и провоцируя.

Неужели все NPC в этой игре на выживание такие?

Впрочем, эта сцена длилась недолго.

— Чэнь Цзин, время ли сейчас для таких глупостей? Кто знает, может, это всё затея того парня, объединившегося с Цинь Юанем, — Сюй Синьжуй была явно недовольна, и в её словах сквозило раздражение, направленное на Няня. — У нас с собой ничего нет, так мы здесь и сгинем!

Услышав её голос, Чэнь Цзин потерял интерес к забаве, но всё же повернулся, чтобы обсудить насущную проблему. За те несколько десятков часов, что они были здесь заперты, у них не было ни капли воды, ни крошки еды — они были в шаге от смерти.

Нянь старался сжаться в комок в своём углу, пряча страх за длинными ресницами. Он мог бы смириться с тем, что попал в жуткую игру на выживание, но Система сообщила ему, что он — пушечное мясо, назначенное сюжетом. И ладно бы просто пушечное мясо, которое быстро умирает, — нет, он был «главным» пушечным мясом, чья роль заключалась в том, чтобы умереть мучительнее всех.

Для того, кто плакал, даже когда друзья затаскивали его в комнату страха, это было настоящим кошмаром. NPC вечно крутились вокруг него, пытаясь напугать до слёз — казалось, нет для них большего развлечения, чем видеть, как Нянь рыдает.

Чэнь Цзин лениво изогнул губы и тихо запел какую-то мелодию, глядя в стену. Он выглядел беззаботно, его поза была расслабленной — резкий контраст с остальными. Судя по реакции окружающих, такое поведение было для него обычным делом.

И только Нянь остро чувствовал на себе его обжигающий, пристальный взгляд. Он растерянно облизнул пересохшие губы. В таком месте, как карцер, меньше всего хотелось думать о чём-то

по-настоящему страшном.

<http://bllate.org/book/21797/2255374>